

ԾԻՍԱԿԱՆ ԾԻԾԱՂԻ ԴԵՐԸ ՀԱՅ ԵՎ ՌՈՒՄ ՀԱՐՍԱՆՅԱՑ ՊՈՆԶԻԱՅՈՒՄ

9. Ա. Միրիբյան

Հողվածն ուսումնասիրում է ծիսական ծիծաղի դերը հայ և ռուս հարսանյաց պոեզիայում: Լաց / ծիծաղ հակասական զույգը մշակութային ընդհանրություն է, որը կազմում է չտարբերակված ամբողջություն՝ բնութագրելով արխայիկ և ավանդական մշակույթները: Կյանքը ծիծաղ է, մահը՝լաց:

Այս երևույթի աշխարհընկալման հիմքում մահը դիտվում է որպես անցում կյանքի նոր վիճակի, իսկ լացն ու ծիծաղը հեշտացնում են այս անցումը՝ նպաստելով նոր կյանքի ծնունդին: Եվ՝ հայկական և՛ ռուսական ավանդույթներում ծիծաղը ունեցել է վերարտադրողական և պտղաբեր արժեք:

СЕМЬЯ... РЕВОЛЮЦИЯ...ЭМИГРАЦИЯ... (ПО АВТОБИОГРАФИИ Н. Н. БЕРБЕРОВОЙ "КУРСИВ МОЙ")

Н. В. ПОТАПОВА

Преподаватель ГГУ

По признанию этой сильной женщины, она никогда не видела смысл жизни вне самой жизни и любила в этой жизни именно ее смысл. Свои мемуары она принялась писать, когда ей было далеко за 60. Многие ее современники, оглядываясь назад на брошенную ими родину, видели только упоительные русские пейзажи, трагическое великолепие заброшенных имений и парков, споры великих представителей русской культуры в многочисленных салонах, плывущих, как видения, в перистых облаках сигаретного дыма. Ее воспоминания, в отличие от общепринятого видения воспоминаний, не носят характер укора, назидания, приговора будущим неблагодарным читателям, не сумевшим оценить все величие и значимость былого. Воспоминания Н. Берберовой - это просмотр интересной забытой киноленты в темном и очень уютном кинозале, в котором вместе с тобой оказываются выдающиеся личности, также как и ты, пришедшие открыть что-то новое в себе.

Как утверждала сама писательница, уже в раннем детстве она ощутила невероятное желание отгородиться от всякой внешней защиты, ей уже тогда претила потребность окружать себя надежными людьми, которые будут ограждать от опасности, предупреждать беду. Ее форма существования, ее ориентиры были далеки от общих представлений о семье, о женской роли в становлении семьи. Как она сама объясняет, "гнезду она предпочитала муравьиную кучу", и одиночество в этой муравьиной куче казалось ей чем-то более соблазнительным и плодотворным, чем одиночество в гнезде. Теплый гостеприимный дом представлялся Берберовой чем-то подобном теплице или инкубатору, где воспитываются одинаковые родственные характеры, общие стремления и формируются единые для всех взгляды и воззрения. В этом инкубаторе не раз-

решается отличаться от остальных родичей, с ним воспрещается расставаться и его покидать. Но что предпримет этот инкубатор, этот теплый дом перед стихией войн, революций, осад, бомбежек, лагерей и расстрелов, атомных бомб. Человек сам должен выковать себе булатный щит и меч для встречи с жизнью, и этим щитом не может стать крыша его собственного дома. Как вспоминала Берберова, ее "поколение - первое, которое может не умереть, но рассыпаться в пыль. И эшелоны, уходящие за полярный круг, и корабли, тонущие в океанах, и голодная смерть на городской скамейке чужой столицы - все предстоит всем. Ничто не предписано, все возможно"¹. В ее видении корни, семейственность лишают свободы саму личность, опутывают ее родовыми предрасудками, наследственными суевериями, которые именуются семейной традицией. Так она в "Курсиве" объясняет свои взгляды на защиту, которую обычно приписывают свойству семьи: "Я принадлежу к тем людям, для которых дом, в котором они родились и выросли, не только не стал символом защиты, прелести и прочности жизни, но разрушения, которое принесло огромную радость"². Подростком она, нисколько не церемонясь, скидывала с плеча заботливую руку матери, пытавшейся поддержать ее. Этот по-юношески дерзкий, безапелляционный жест демонстрирует нам всю суть жесткого, по-женски мужественного характера писательницы. Она всегда была открыта навстречу всем ветрам жизни. Не бояться гроз и ветров - не значит быть отважным, а значит уметь пережить непогоду, ждать потепления. Жизнь, как она есть, воспринималась Берберовой как источник размышления и саморазвития. Ее нужно пить, черпая жадными горстями, в нее нужно всматриваться и вслушиваться, дабы не упустить драгоценной энергии и смысла, которые она дарует.

Берберова трепетно хранила свои детские воспоминания, но не так, как они обычно хранятся в памяти, в виде определенных заветов, жизненных уроков, в виде моделей и макетов поведения близких, на которые принято рисовать карикатуры в своей жизни. Для нее пора детства - этап, когда ты ежедневно жадно учишься, впитываешь, как губка, саму жизнь, это тот этап жизни, когда день не является продолжением вчерашнего дня - он корректирует вчерашний, заставляет забыть его и с трепетом и восторгом ожидать следующий. Детство дарует ощущение праздника без видимых причин. Все так легко исправить, всему можно научиться, все возможно успеть испробовать, переделать, всюду побывать. Детство - единственная пора в жизни, когда человек не дорожит временем - единственной ценностью, по словам Н. Н. Берберовой - "той единственной основой жизни, той тканью ее, которую нельзя ни купить, ни обменять, ни украсть, ни подделать, ни вымолить". Замечательные слова сказаны ею о воспоминаниях детства и воспоминаниях вообще, на которые Берберова смотрит без привычной ностальгии и тоски по невозвратимому, канувшему в лету: "Все мое прошлое со мной, в любой час моей жизни. Вся прелесть его для меня в том, что оно дало жизнь моему настоящему". И далее: "Сознаю, что корни всех поздних раздумий - в моих ранних годах, корни всех поздних страстей - в детских бессонницах. Что все, что мною разгадано теперь, было загадано тогда. Что судьба моя была (и есть): развитие и рост,

¹ *Нина Берберова*, Курсив мой: автобиография. [предисл. А. Кузнецовой]. – [Изд. 2-е, испр. и доп.]. – Москва: АСТ: Астрель, 2010, с.10.

² Там же, с. 23.

как всякая судьба живого"³.

Свои воспоминания Берберова всегда несла по жизни не как тяжелый балласт, а как что-то живое, постоянно видоизменяющееся, принимающее новые формы, размеры, значения. Очень рано Берберова поняла важность самопознания личности, пунктиром начертила себе путь развития, в котором важнейшим этапом стало помимо самопознания - самоизменение. Нина Николаевна никогда не сожалела о том, что родилась в двадцатом столетии и, по ее собственному выражению, "с ним старела". Она гордилась своей принадлежностью именно к 20 столетию, дорожила современностью своему веку, болезненно реагировала на любые хронологические описки и казусы, которые относили ее, соотносили или отождествляли ее творчество с периодом 19 века. Американский славист Омри Ронен вспоминает: "Я вижу забавное совпадение: когда Р. Б. Гуль тиснул грубую рецензию на первое издание "Курсива", мне кажется, больше всего в пасквильной статейке ее обидел намек на то, что она родилась якобы не в 1901, а в 1899 г. Ее чувствительность на этот счет не была заурядной женской слабостью. Однажды она закричала на меня: "Не смейте меня называть современницей Ходасевича, я была моложе его на 15 лет! - Я ведь сказал - "современницей", а не "сверстницей". - Не в этом дело!" Дело, очевидно, заключалось в том, что Ходасевич был для нее человек XIX века, а она считала себя - да и была - человеком XX века во всем: и в дурном, и в хорошем"⁴. Для людей, таких как она, любивших свободу самовыражения, стремившихся к духовному росту - это было единственно подходящее время.

Берберова никогда не скрывала и своего истинного отношения к религии. Скорее всего, помпезные и чуть заунывные службы в имении ее деда по матери производили уже в детстве на нее гнетущее впечатление, потому что она всеми силами пыталась избежать "Утоли мои печали". В романе "Курсив мой" Берберова аргументирует посредством весьма веских доводов свое отношение к религии: "Первое мое сближение с животными было первым жестоким разочарованием в православной религии (в которую я была крещена при рождении): я узнала, что о них она никогда не сказала ничего"⁵. Вера и религия в видении Берберовой не дала обществу и человеку ничего ощутимо положительного, только освобождение от всякого религиозного фанатизма и зависимости способно просветлить и возвысить душу, люди интеллектуальные, жаждущие саморазвития, не обращаются к Богу за советом - они берут книгу и находят нужные ответы, в развитом своем сознании. Религиозный догмат, заповеди и анафема за тысячу лет своего существования не смогли упразднить, нивелировать корысть, зависть, лицемерие и банальные прегрешения - прелюбодеяние, воровство и убийства. Всего, чего достигло человечество, оно достигло благодаря демократии. Как пишет Берберова в "Курсиве", "покупательная способность, свобода печати, всеобщие выборы, отсутствие военных парадов и многое другое, что для одних, быть может, потеряло "аромат новизны" и получило "оттенок прагматизма", а для других не соответствует принципам диалектического материализма, но то, что мне было, есть и будет доро-

³ Там же, с. 17.

⁴ «Звезда», 2001, №7. Омри Ронен: Берберова (1901-2001, с. 455.

⁵ **Нина Берберова**, Курсив мой: автобиография. [предисл. А. Кузнецовой]. – [Изд. 2-е, испр. и доп.]. – Москва: АСТ: Астрель, 2010, с. 27.

го и без "аромата", и не подпертое Энгельсом"⁶. Прагматично оценив потенциал гуманизма православной религии, Берберова пришла к выводу, что в религии нет никаких подходящих заповедей, защищающих права животных. Религия псевдомилосердна, ибо не упоминает о существах, которых предписывает защищать и охранять человеческую совесть. Отношение к религии у Берберовой формировалось, на наш взгляд, также под воздействием сильнейших противоречий в обществе - политических, нравственных, социальных. Она росла во времена крушения всех существующих ценностей. Восприятие религии и веры подсознательно ассоциировалось с царским самоуправством, с пошатнувшимся престолом, подмоченной репутацией всей законодательной и исполнительной царской системы. Подобное отношение характерно для многих представителей культуры и литературы Серебряного века.

Берберова родилась в 1901 году вместе с веком перемен и преобразований, когда преобразовывалось не только отношение людей к религии и Богу, но модифицировался и сам Бог. Религиозный путь самопознания воспринимался многими, в том числе и ею, как еще одна попытка убежать от реальности, извратить истину и отгородиться от жизни. Века перемен требовал радикального изменения всего мироустройства - преобразования касались всех сфер жизни, они были беспощадны и, как впоследствии выяснилось, неоправданы. Как Берберова сама объясняла, ее рождение выпало на тот период, когда никто не сомневался, что всему приходит конец, и что изменения неизбежны. Она родилась с таким же предвкусением и предвидением скорого разрушения былого порядка, с каким пытались свыкнуться ее родные. Берберова очень рано осознала потребность найти себе дело в жизни, профессию, быть может, призвание. Впоследствии в книге "Курсив мой" она напишет: "В недетской силе едва сформировавшегося желания иметь профессию "на всю жизнь", иметь что-то, что могло бы срастись со мной, как рука или нога, и быть частью меня, я теперь вижу некую компенсацию чего-то, чего я, как девочка, была лишена. Я искала не только самую профессию, но и акт выбора ее, акт сознательного решения, и этот акт вырос из неизвестного мне тогда тайника"⁷. В реестре предполагаемых профессий почтальон и пожарный значились раньше писателя, но талант победил сомнения, поселившиеся в душе подростка, и юная Берберова попала в полон поэтического слова. Оно, оказывается, способно было выразить все недосказанности, все недоговоренности в жизни реальной и воображаемой. Начались попытки пародии на творчество Лермонтова, мучительные сомнения, основанные на неуверенности в правильности выбранного пути. Но магия поэзии, воздействующая на подсознание, начала наполнять совершенно иным, новым, приводящим в трепет, чувством, все существо юного поэта. Она начала сочинять по случаю, и без особых причин, читала свои стихи домочадцам и гостям, охваченная ужасом, предвкусывая недовольство слушателей: "Восхитившись стихотворением Лермонтова "В минуту жизни трудную", я почувствовала, что расстаться с этим восторгом не могу, взяла чистую тетрадку, написала на ней "Стихотворения" и аккуратно переписала в нее все двенадцать строчек. Оно привело меня в восхищение своей мелодией, и тут, девяти лет, я бессознательно почувствовала то единство формы и содержания, о котором

⁶ Там же, с. 32.

⁷ *Нина Берберова*, Курсив мой: автобиография. [предисл. А. Кузнецовой]. – [Изд. 2-е, испр. и доп.]. – Москва: АСТ: Астрель, 2010, с. 35.

люди до сих пор еще не перестали спорить. Содержание, если вспомнить меня ребенком, было мне совершенно чуждо: молитвы я знала, какие знать полагается, но они никогда не были для меня чудными, а святая прелесть чего-либо была совершенно непонятна. Но что это были за звуки! Минуты были трудные, и вместе с тем они все-таки были чудные, потому что в них чудной была грусть, которая играла в их "у"⁸. Но уже тогда Берберова осознала, что выбрала абсолютно иную, чуждую большинству ее знакомых стезю саморазвития. Она готовилась к предстоящей борьбе, даже жаждала этой борьбы, в которой ей не поможет ни опека матери, ни забота отца, ни патриархальные семейные традиции, которые призваны сдерживать и охлаждать пыл, а не воспламенять душу и питать живительной энергией разум. Зная обо всех трудностях и бесконечном одиночестве, которое уготовано в подлунном мире поэту, Нина Николаевна стремилась броситься в этот загадочный омут поэтического творчества. Человек для Берберовой уже тогда был совершенно одиноким существом - рождался одиноким и уходил тоже в гордом одиночестве. Курсив мой: "Страх (а иногда и ужас) одиночества относится к тому же ряду ложных суеверий - из него сделали пугало, - пишет она в книге мемуаров. - Между тем, ничего еще не подозревая, я с самых ранних лет стремилась к тому, чтобы быть одной, и ничего не могло быть страшнее для меня, как целый день, с утра до вечера, быть с кем-нибудь, не быть со своими мыслями, не отдавая никому отчета в своих действиях, иногда даже ведя сама с собой диалог и читая все, что ни попадется"⁹.

Саморазвитие и закалка характера в Берберовой происходили, не благодаря, а вопреки закрепившимся в обществе канонам и модам, устоявшимся правилам и требованиям. Образ матери в данном контексте становится воплощением анти-образца для Берберовой, которая на дух не переносила восторженную экзальтацию, наносную и наигранную эмоциональность, мода на которые возникла вместе с выступлениями Веры Холодной и ей подобным актрисам. В этой связи интересно воспоминание Берберовой о своей матери: "Она была человеком своего времени, того времени, когда воспитание, условности света, предрассудки коверкали женщин, когда считалось самым важным в жизни казаться не тем, кто ты на самом деле, говорить одним голосом с детьми, другим с прислугой, третьим с гостями, четвертым с приказчиком в магазине, пятым с мужчиной, которому нравишься. Голоса менялись в зависимости от окружения. Женщины того времени, якобы обученные совершенно нежизненной роли жен и матерей (разумеется, по-настоящему ни тому, ни другому), жили только для того, чтобы закрыть, утаить, замаскировать в себе что-то живое, и это что-то в конце концов бывало убито, задавленное твердыми правилами поведения. Она была одновременно поколения и чеховской "Чайки", и Доры Бриллиант, поколения, из которого вышло столько наших женщин, освободившихся из рамки искусственной жизни, тепличной, мимозной психологии"¹⁰. Подобные проявления излишней наигранной экзальтации Нина Николаевна именovala "либестраумами", которых в окружающей ее действительности было предостаточно. Берберова пишет: "Все эти "либестраумы" для меня имели один и тот

⁸ Там же, с. 42.

⁹ *Нина Берберова*, Курсив мой: автобиография. [предисл. А. Кузнецовой]. – [Изд. 2-е, испр. и доп.]. – Москва: АСТ: Астрель, 2010, с. 45.

¹⁰ Там же, с. 47.

же привкус: привкус чего-то, что тронута концом, что не переживет и первого удара, откуда бы он ни пришел, и помешает лично мне быть во всеоружии при первом столкновении с судьбой. Но либестраумы звучали повсюду, доставляя удивительное наслаждение нашим матерям, которые (ведь еще совсем тогда молодые) чувствовали, что это для них, о них, за них поднимается в мире флаг общедоступного лиризма"¹¹. К этим чувственно-эмоциональным эрзацам она относилась и диалог Наташи Ростовской с Соней в окне, в ту ночь, когда князь Андрей ночевал в Отрадном, и прелесть Китти, и "божественную природу" человека, открывшуюся князю Андрею на Аустерлицком поле. Берберова изначально выбрала радикальную позицию в жизни-неприятности дуализма в любом виде и проявлении, для нее истина всегда одна и непререкаема, и все, что может опровергнуть ее, не может ужиться с ней же под одной общей конвенциональной кровлей. То обстоятельство, что Берберова была не чистокровно русской, а наполовину армянкой, дало ей совершенно иное отношение к себе самой, к окружающему миру. Благодаря слиянию "южного" и "северного" восприятия мира, она ощущала себя осового рода единением кровей, и как она выражалась, ощущала себя не смесью, а швом. Это ощущение шва не покидало Берберову всю жизнь, именно оно помогало ей преодолевать невзгоды изгнания, преодолевать тривиальность эмигрантских литературных кружков. Этот шов можно назвать врожденным космополитизмом. Он дал Берберовой возможность видеть мир не однобоко и купировано, и именно благодаря этому противоречивому соединению кровей Берберова обладала врожденным мастерством понимать абсолютно противоречивых людей и ориентироваться в сложных ситуациях. Этот шов, а конкретно, армянская его составляющая, способствовал тому, что Берберова, одна из немногих, смогла реализоваться за рубежом, беспрепятственно ужилась с людьми разных национальностей, убеждений и вероисповеданий. Как и все представители армянской нации, Берберова не боялась переездов, всяческих исходов, потому что не боялась с этими перемещениями потерять себя, свое "я". Она всегда была в ладу с собственной душой, берегла свои убеждения и воззрения неизменными, оставалась собой везде и при любых обстоятельствах, что, в сущности, типично для представителей именно кавказских народов. Всегда, страшась всякого рода разъединения и раздвоения, Берберова всю сознательную жизнь стремилась к гармонизации собственной личности, то дорогое ей впоследствии ощущение шва, она поначалу воспринимала как двоякую, противоречивую, разъединяемую природу человека, пока не пришла к единственно верному выводу, что не разъединением является этот шов, знаменующий собой причину людской двоякой сути, а соединением ее в гармоничный цельный тандем. "Признание шва, - читаем в "Курсиве", - признание самой себя швом особенно плодотворно: оно дает ответ на жизнь моего поколения, существующего в двух мирах: одном, идущем к концу, и другом едва начинающемся, оно дает покой и полноту существования в раздробленном, искаженном и беспокойном мире..."¹². В книге "Курсив мой" Берберова подробно описывает свое происхождение, чтобы, вероятно, объяснить некоторые черты собственного характера, приобретенные генетически, а также в ходе общения с совершенно разными мирами и менталитетами - армя-

¹¹ Там же, с. 54.

¹² *Нина Берберова*, Курсив мой: автобиография. [предисл. А. Кузнецовой]. – [Изд. 2-е, испр. и доп.]. – Москва: АСТ: Астрель, 2010, с. 54.

нского семейства Берберовых и русского - Карауловых. Мать Берберовой происходила из хорошего дворянского рода Карауловых, и Берберова очень тепло вспоминала деда по матери, сердобольного и рачительного хозяина крупного имения. Отец Берберовой был сыном зажиточного врача, семья которого с незапамятных времен жила в России, близ Ростова, также как и все 6 братьев, он получил блестящее образование. Семья Берберовых была обеспеченной и славилась на всю Нахичевань хлебосольством и, по словам Берберовой, часто чествовала почтенных гостей из Армении, таких как члены партии Дашнакцутюн. Берберова вспоминала, что "разницу двух пород она оценила очень рано: лет восьми она поняла, что происходит из двух различных, хотя и не враждебных, миров". По ее объяснению, "с армянской стороны был целый мир характеров своеобразных и жизней и судеб оригинальнейших. Эта необщность, как я поняла позднее, была заложена в самих людях, в их жизненной энергии, в их могучих желаниях, в их постоянном сознании, что ничего не дается само, ничто не делается само и что каждый день есть особый день. У них была горячая кровь, сильные страсти, среди них были отъявленные картежники, срывавшие сотысячный банк в Купеческом клубе, и передовые люди, боровшиеся за идеи, им дорогие, именами которых были позже названы улицы городов свободной Армении (в 1917 году); среди них были женолюбы, Дон-Жуаны, которые, впрочем, могли пожертвовать свиданием с донной Анной ради свидания с Командором - чтобы поподробнее расспросить его о загробных делах. Они бушевали в жизни еще, может быть, и потому, что предки их не спали на боку под портретами царей при зажженной лампаде, но продвигались веками от Персидской границы к Месопотамской границе, по берегам Черного моря, чтобы возродиться у устья Дона и стать через сто лет аристократией города денежной и интеллектуальной"¹³. Эта общенациональная армянская черта характера - не ждать подачек от снисходительной судьбы, всего добиваться самому, не уступать и не сворачивать с намеченного курса - очень помогла впоследствии Берберовой, когда она пыталась выжить в Париже на нищенский оклад сотрудника русского журнала и когда она уже в почтенном возрасте переехала в Америку и начала жить, жить заново. Нина Николаевна обожала своего отца, по ее словам за его редкий талант быть непосредственным, всегда веселым энергичным, только рядом с отцом она в состоянии была ощутить себя взрослой, значимой; он нисколько не скрывал, что ее мнение ему интересно, он не оберегал и не опекал, а умел по-дружески направить и поддержать, что и требовалось, уже тогда очень дорожившей своей свободой и независимостью девочке. Как впоследствии эта девочка будет дорожить своими воспоминаниями об отце! Когда в одном из парижских кинозалов, демонстрирующих советские фильмы, она увидела его снова на экране в характерной роли директора банка, контрреволюционера, препятствовавшего честному делу Ленина и партии, она вспомнила добродушный взгляд отцовских глаз, смотревших на нее с экрана, таких же, как в те светлые и безоблачные дни, когда они еще вместе сидели дома у камина и вели нескончаемые и увлекательные беседы. После 15 лет разлуки, эта встреча стала для Берберовой редкой удачей, за ней последовало расставание навечно, обрывочная информация о гибели родителей во время эвакуации из блокадного Ленинграда.

¹³ *Нина Берберова*; Курсив мой: автобиография. [предисл. А. Кузнецовой]. – [Изд. 2-е, испр. и доп.]. – Москва: АСТ: Астрель, 2010, с. 69.

В процессе рассмотрения становления личности и эстетического восприятия писательницы мы установили, что она изначально отличалась жестким и принципиальным нравом, оказавшим огромное влияние на все ее зрелое творчество в частности - прозу. Ее отношение к религиозным доктринам нашло свое воплощение в ее исследовании о масонах. Ее видение женского вопроса отразилось в экстравагантном романе о тройном агенте разведки - "Железная женщина". Именно самая важная во всех отношениях книга, на которую в большей степени мы ориентировались в написании данной статьи -- "Курсив мой" даст нам полное впечатление о жизни и судьбе этой сильной женщины, современницы великих паладинов Серебряного века.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Нина Берберова**, Курсив мой: автобиография. [предисл. А. Кузнецовой]. - [Изд. 2-е, испр. и доп.]. - Москва: АСТ: Астрель, 2010.
2. **Витковский Е.** Почерк Петрарки // Берберова Н. Н. Курсив мой. - М., 1996.
3. **Витковский Е.** Стихотворения века-2: О Н. Берберовой // Антология мировой поэзии в рус. переводах XX в. - М., 1998.
4. Журнал "Звезда", 2001, N 7. Омри Ронен: Берберова (1901-2001), с. 455.
5. **Шелохаев В. В.** "Золотая книга русской эмиграции" Издательство: Москва, РОССПЭН, 1997.

SOME FACTORS OF THE LIFE AND WORKS OF N. N. BERBEROVA

N. V. Potapova

The article is about some factors of the life and works of N. N. Berberova. Original analysis of author's life and word are presented in the article her approaches to concept of the family and marriage are touched upon in the article as well.

ԸՆՏԱՆԻՔԸ... ՀԵՂԱՓՈԽՈՒԹՅՈՒՆԸ... ԱՐՏԱԳԱՂԹԸ (Ըստ Ն. Ն. Բերբերովայի „Իմ կուրսիվը“ ինքնակենսագրության)

Ն. Վ. Պոտապովա

Հոդվածը նվիրված է Ն. Ն. Բերբերովայի կյանքի և ստեղծագործության որոշ փաստերին: Գիտագեղարվեստական էսսեյի ժանրում լուսաբանվում է օժտված գրողի և գրաքննադատի, ռուսական արտերկրի հրապարակախոսի ստեղծագործական կյանքը: Հոդվածում տրվում է հեղինակի ինքնատիպ հայացքների վերլուծությունը, որը աստիճանաբար զարգացնում է նրա կողմից արդեն ձևավորված ստեղծագործական ուղին, ինչպես, օրինակ, հեղինակի վերաբերմունքը ընտանիքի, կրոնի և հեղափոխության հարցերին: